

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1677–1691, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

Некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках

Людмила Алексеевна Лиджиева¹, Цолмон Ширнэн², Надежда Бадмажаповна
 Бадмацыренова³

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Монгольский государственный университет образования (д. 8, Бага Тойруу-14, 210648 Улан-Батор, Монголия)

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой

 0000-0002-7093-0233. E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

³ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Лиджиева Л. А., Ширнэн Ц., Бадмацыренова Н. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских (монгольском, бурятском, ойратском и калмыцком) языках. Данный глагол выступает в роли вспомогательного компонента в составных сказуемых, а также функционирует в системе служебных частей речи в качестве послелогов и союзов. Явление грамматикализации отражает динамику языковых процессов, происходящих на стыке знаменательного и служебного функционирования слов. Результаты изучения различных лексических единиц как источников грамматических показателей существенно расширяют представления о функционировании грамматических систем в языке. *Целью исследования* является описание путей грамматикализации глаголов в монгольских языках на примере глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’. *Материалом исследования* послужили художественные, фольклорные, публицистические тексты, извлеченные из корпусов национальных языков (монгольского, бурятского и калмыцкого), а также данные словарей анализируемых языков. *Результаты исследования.* Материал

исследования показал, что глагол *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ претерпевает различные изменения. В составе составных именных и глагольных сказуемых он употребляется как вспомогательный глагол. В результате грамматикализации встречаются показатели категорий времени и модальности, классы слов, которые обозначают различные смысловые понятия. Глагол может выражать различные модальные значения (предположение, долженствование, намерение, возможность, запрет и т. д.). В результате грамматикализации в монгольских языках часто употребляется модальное слово, образованное от данного глагола. Деепричастные и причастные формы данного глагола активно используются в качестве служебных слов. Анализ показал, что значения большинства послелогов и союзов в монгольских языках совпадает. Но встречаются и такие, которые характерны только отдельным языкам. Одни слова утрачивают свое древнее исконное значение, другие приобретают дополнительные значения, отталкиваясь от своего основного значения.

Ключевые слова: пути грамматикализации, калмыцкий язык, монгольский язык, бурятский язык, ойратский язык, вспомогательные глаголы, служебные слова, послелоги, союзы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00551 «Категория пространства в монгольских языках: типология и диахрония» и внутривузовского гранта КалмГУ в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации».

Для цитирования: Лиджиева Л. А., Ширнэн Ц., Бадматсыренова Н. Б. Некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1677–1691. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

The Verb *болох / болохо / болха / болх* ‘Become, Make; Be’ in Mongolic Languages: Some Ways of Grammaticalization Revisited

Liudmila A. Lidzhieva¹, Tsolmon Shirnen², Nadezhda B. Badmatsyrenova³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Mongolian State University of Education (8, Baga Toyruu-14, Ulaanbaatar 210648, Mongolia)

Cand. Sc. (Philology), Head of Department

 0000-0002-7093-0233. E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

³ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Lidzhieva L. A., Shirnen Ts., Badmatsyrenova N. B., 2020

Abstract. Introduction. The article discusses some ways of grammaticalization of the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* ‘become, make; be’ in Mongolic languages (Mongolian, Buryat, Oirat and Kalmyk). This verb acts as an auxiliary component in composite predicates, and also functions in the system of service parts of speech to form postpositions and conjunctions. The phenomenon of grammaticalization reflects the dynamics of linguistic processes occurring at the junction of the significant and official functioning of words. The results of studying various lexical units as sources

of grammatical indicators significantly expand the understanding of the functioning of grammatical systems in a language. *Goals.* The research aims at describing the ways of grammaticalization of verbs in Mongolic languages through the example of the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* 'become, make; be'. *Materials.* The paper analyzes literary, folklore, journalistic texts extracted from the corpora of the examined national languages (Mongolian, Buryat and Kalmyk), as well as data from respective dictionaries. *Results.* The study shows that the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* 'become, make; be' is undergoing various changes. In the formation of compound nominal and verbal predicates, it is used as an auxiliary verb. As a result of grammaticalization, there are indicators of the categories of time and modality, classes of words that denote various semantic concepts. The verb can express various modal meanings (assumption, obligation, intention, opportunity, prohibition, etc.). As a result of grammaticalization, modal words derived from the given verb are quite often in Mongolic languages. The adverbial and participial forms of this verb are actively used as official words. The analysis reveals that the meanings of most postpositions and conjunctions in Mongolic languages coincide. But there are also those characteristic only of certain languages. Some words lose their ancient primordial meanings, while others acquire additional ones that rest on their main seme.

Keywords: ways of grammaticalization, Kalmyk language, Mongolian language, Buryat language, Oirat language, auxiliary verbs, service words, postpositions, conjunctions

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR (project no. 20-012-00551 'Category of Space in Mongolic Languages: Typology and Diachrony'), and granted by Kalmyk State University (project 'Mongolian and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations').

For citation: Lidzhieva L. A., Shirnen Ts., Badmatsyrenova N. B. The Verb *болох / болохо / болха / болх* 'Become, Make; Be' in Mongolic Languages: Some Ways of Grammaticalization Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1677–1691. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

Введение

Проблема процессов грамматикализации в языке — довольно сложная задача, требующая учета семантической, морфологической и синтаксической информации. Переход полнозначных слов в служебные части речи сопровождается изменением семантических и лексико-грамматических характеристик слов.

«Грамматикализацию нередко рассматривают и как общий процесс „организации грамматики“, создания грамматических средств выражения, не обязательно сводимый к эволюции лексических единиц или конструкций с определенным лексическим наполнением. <...> она представляет собой „макропроцесс“, т. е. совокупность взаимосвязанных „микропроцессов“, действующих на нескольких различных уровнях: семантическом, морфосинтаксическом, фонетическом и т. п.» [Майсак 2005: 38, 39].

Данной проблемой лингвисты заинтересовались уже давно, еще до появления термина «грамматикализация». Тем не менее

полное изучение проблемы грамматикализации началось с 1970-х гг.

В настоящее время в свете общемирового роста интереса к проблемам грамматикализации обращение к данной проблеме весьма актуально. Интерес ученых к данному процессу обоснован закономерностями развития грамматических систем в диахроническом аспекте.

В рамках изучения данного процесса подробно рассматриваются пути грамматикализации, которые позволяют определить источники и показать соответствующие результаты. По мнению Т. Траугот и Б. Хайне, «для любой области грамматики существует лишь ограниченное количество лексических групп, а в каждой лексической группе ограниченное число лексем, которые чаще всего становятся источниками» (цит. по: [Майсак 2002: 26]).

В качестве объекта настоящей работы был выбран глагол *болох / болохо / болха / болх* 'становиться, делаться; быть' в монгольских языках. Как известно, грамматика-

лизации подвержены единицы с отвлеченным, обобщенным, широким лексическим значением. Среди наиболее часто встречающихся лексических источников отмечаются «слова, обозначающие части тела ('голова', 'лицо', 'рука' и пр.); глаголы бытия, становления ('быть, существовать, находиться', 'стать') и обладания ('иметь'); глаголы, обозначающие простейшие действия ('делать', 'говорить', 'брать', 'давать'); некоторые основные глаголы движения ('идти', 'приходить', 'входить' и пр.) и способа расположения в пространстве ('сидеть', 'стоять', 'лежать'); глаголы, выражающие желание или долженствование ('хотеть', 'быть должным')» [Майсак 2002: 26].

У глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться; быть' в монгольских языках ослаблено значение конкретного действия или состояния, что способствует его грамматикализации и формализации. Данные глагольные конструкции дают обширный материал для исследования данных процессов в языках.

Цель статьи — рассмотреть некоторые пути грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться кем-чем л.; каким л.; быть' в монгольском, бурятском, ойратском и калмыцком языках. В каждом языке развитие данного процесса в отношении разных частей речи имеет свои особенности, которые зависят от степени полноты его семантических и грамматических характеристик.

Материалом для исследования послужили художественные и фольклорные тексты, которые привлекались из корпусов национальных языков (монгольского, бурятского и калмыцкого), а также различных словарей монгольских языков.

1. Результаты грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться; быть'

Глагол *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться кем-чем л.; каким л.; быть' в монгольских языках функционирует чаще всего как «глагол-полусвязка» или глагол-связка [Санжеев 1963: 880; Тодаева 1951: 131–134; Дораева 1983: 226; Пюрбеев 2010: 98].

В этимологическом словаре монгольских языков глагол *bol-* представлен в следующих значениях: «*BOL*⁻¹ — халх., калм.

бол-, бур. *боло-*, мнгр. *боли-*, дунс., даг. *волу-* (*полу-*) становиться, делаться; происходить; созревать, свариться» [Санжеев, Орловская, Шевернина 2015: 97].

Тюрк. *bol-* совпадает с монг. *bol-* / *болах* а) становиться, превращаться в...; происходить, иметь место, случаться; наступать, приходить (*о времени*); быть, существовать, наличествовать; образовывать, представлять; б) быть способным, быть возможным, быть подходящим / годным / соответствующим; удаваться, быть удачным... [Севортян 1978: 188].

Также здесь отмечены служебные (грамматизованные) значения *бол-* в сочетании с деепричастиями, причастиями; в значении вспомогательного глагола и т. д. [Севортян 1978: 184–188].

По этому поводу Э. В. Севортян пишет, что «скорее это общая тюрко-монгольская основа, и возможно, что некоторые значения из монгольского перешли в отдельные тюркские языки» [Севортян 1978: 188]. Точка зрения Э. В. Севортяна, на наш взгляд, более приемлема.

Г. Ц. Пюрбеев считает, что глагол *бол* 'стать, становиться', выступая в составе составного именного и глагольного сказуемого, «не совсем утрачивает свое бывшее значение и поэтому употребляется чаще всего как полусвязка» [Пюрбеев 2010: 91].

1.1. Будущее время

Будущее время в монгольских языках выражается посредством показателя *-х*, а также *-на* / *-нэ* / *-но* / *-нө* (форма настоящего-будущего времени в современном монгольском языке). Данная форма будущего времени выступает в роли вспомогательного глагола в составных глагольных и именных сказуемых. «Семантика данной формы обладает модальной насыщенностью и богатством различных оттенков, обусловленных присоединением к ним частиц и присказуемых слов. Форма выражает модальные оттенки категоричности и некатегоричности, характеризующие степень достоверности ожидаемого действия» [Дораева 1983: 223].

Конструкция из имени и вспомогательного глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* в форме будущего времени в составе именного сказуемого обозначает явление, которое произойдет в будущем. Например: монг. *уд*

болно 'полдень наступит'¹ [БАМРС, 3 2001: 389]; бур. *Минии һамган болохош* 'Станешь моей женой' [БНК. Ц. Шагжин. Сахилгаата һүни]; ойр. *Маңһадар өрүүн багшинариин хураг болха*. 'Завтра утром состоится собрание учителей' [СЯОС 2001: 71]; калм. *Сурһулян төгсәһәд, малын эмч болхвидн* 'Закончив учебу, мы будем врачами' [НККЯ: Бадмин А. Усна экн — булг].

В калмыцком языке глагольная форма настоящего времени *-на / -нә* может выражать значение будущего, в основном при наличии обстоятельственных слов (*маңһдур* 'завтра', *эндр* 'сегодня', *удл уга* 'скоро' и т. п.). Например: *Нөкәдүр мана селәнд хурғ болжана*. 'Послезавтра в нашем селе состоится собрание' [ПМА].

Определение значения ближайшего или отдаленного будущего может уточняться временными локализаторами (*эндр* 'сегодня', *маңһдур* 'завтра', *ирх жилд* 'в следующем году', *даранднь* 'в дальнейшем', *ода* 'сейчас'). Однако общее значение будущего от этого меняется. Например: монг. *Маргааш хурал болно*. 'Завтра состоится собрание' [БАМРС, 1 2001: 260]; бур. *Мүнөө жэл хүйтэн үбэл болохонь гэнэ*. 'В этом году, говорят, будет холодная зима' [БРС, 1 2010: 242]; ойр. *Кедем удал угаа болха*. 'Скоро созреют груши' [СЯОС 2001: 57]; калм. *Маңһдур амрдг өдр болх*. 'Завтра будет выходной день' [НККЯ. Эрнжәнэ К. Һалан хадһл].

В монгольских языках аналитическая конструкция с причастием или деепричастием и рассматриваемым вспомогательным глаголом представляет собой грамматизированное сочетание, которое состоит «из знаменательного слова, которое является носителем лексического значения всего сочетания, и служебного (или полуслужебного слова), потерявшего свое лексическое значение и функционирующего в качестве грамматического оформителя знаменательного компонента» [Цыдыпов 1972: 12].

В формировании аналитических конструкций с деепричастным компонентом основную семантическую нагрузку несет деепричастие, а вспомогательный глагол *болох / болохо / болха / болх* передает грамматическое значение. В данных конструкциях чаще всего участвуют соединительное и условное деепричастия. Например: монг.

Хар уснаас ондоо юм ууж болохгүй. 'Нельзя ничего пить, кроме простой воды' [БАМРС, 4 2002: 45]; бур. *Харин хүбүүмни унтаарай гэжэ хэлээ бэлэй гү, минии гал түлээд, урдаһаань, ёнхойжо хаража һуухадамни, хитэхэ ербэхэшые байжа болохо*. 'Да, сын велел мне ложиться спать, если я разожгу огонь, встречая их, то невестка, возможно, будет стесняться' [Цыдыпов 1972: 139]; ойр. *Түүни келесен үгийнни удха медежси болха угаа*. 'Не понять смысла сказанных им слов' [СЯОС 2001: 350]; калм. *Кушнарев гидг кү үзж болхий?* 'Можно ли увидеть Кушнарёва' [НККЯ. Балакан А. Залу зөрг]; *Би нам эрт эндәс йовхла болх гижәнә, гив*. 'Уйти бы отсюда пораньше' [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теггин нонан].

«Форма будущего времени <...> это еще не само действие, а действие, осуществление которого лишь намечается» [Харчевникова 1995: 54]. В определенном контексте форма будущего времени может обозначать категоричность и некатегоричность совершения действия. Значение обязательного совершения действия в будущем может выражаться причинно-следственными, условными конструкциями, а также употреблением различных модальных индикаторов.

Значение выражается при наличии определенного условия. Например: монг. *Эртхэн эмчлүүлэх нь эдгэрэхэд дөхөм болно*. 'Чем раньше лечиться, тем легче вылечить' [БАМРС, 2 2001: 65]; бур. *Баһа үбишэндэ эзэлэгдээ һаа, эмэй бурханда зальбарал таби; эмиэв үбишэниие таниха, эдэгээхэ эмтэй ушарха болохо*. 'Если ты заболел, обращайся с молитвой к богу медицины; лекарь распознает болезнь и найдет исцеляющее лекарство' [БРС, 1 2010: 381]; ойр. *Одаа манан тараад, теңгер чилгер болха*. 'Теперь туман рассеется, и небо прояснится' [СЯОС 2001: 236]; калм. *Эн хурт үнән илдкж эс келхләтн, биидтн му болх*. 'Если вы на этом собрании не скажете правду, вам же будет плохо' [НККЯ. Эрнжәнэ К. Һалан хадһл].

Значение реализуется при наличии причинно-следственных отношений в предложении. Например: монг. *Санаж явбал болно, сажилж явбал хүрнэ*. 'Коли помнить, то получится, хоть и медленно едешь, но доедешь' [БАМРС, 3 2001: 89]; бур. *Намартаа хонидоо зунай хэнзэ ногоондо адуулжа, марса долёолгоходо, мяханинь амтатай*

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

тарган, нооһониинь ута, үдхэн болохо. ‘Осенью овец хорошо пасти на отаве и солончаковых местах: у них мясо становится жирнее, шерсть длиннее и гуще’ [БРС, 1 2010: 542]; ойр. *Нэгэмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа*. ‘Когда наступает август, то в горах становится прохладно’ [СЯОС 2001: 295]; калм. *Нег хойр дола хонхнь, келм невчк нуһрх. Чикэр нерэддг болхв*. ‘Пройдет недели две, язык мой как-то привыкнет. Стану называть правильно’ [НККЯ. Бембин Т. Бадм цецг].

Предрешенность действия выражается при присоединении модальных индикаторов. Например: монг. *лавтай болно* / ‘определённо, точно будет’ [БАМРС, 2 2001: 297]; ойр. *Мөн, тииме болхе*. ‘Да, так и будет’ [СЯОС 2001: 180]; калм. *Мини хэлэцэр, эн орулгдгах шинрлтс эрк биш иргэдэн сэн ашта болх*. ‘По моему мнению, введенные новшества, непременно, в будущем дадут хороший результат’ [КНК. Хальмг үнн].

В отрицательных конструкциях усиливается значение категоричности, т. е. достоверность совершения действия в будущем уверенно отрицается. Например: монг. *Зөвшөөрөлгүй орж болохгүй*. ‘Без разрешения входить нельзя’ [БАМРС, 3 2001: 388]; бур. *Саашадаа иимэ байдалые тэсэжэ болохгүй*. ‘Нельзя в дальнейшем терпеть такое положение’ [БРС 2, 2010: 281]; ойр. *Хава-риин ажил икдээд махлаа авха цол угаа болха*. ‘Так как весной будет много работы, то времени совсем не будет хватать’ [СЯОС 2001: 228]; калм. *Төрүц күүнд саалтг болхн угав*. ‘Никому не буду мешать’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

В калмыцком языке полусвязка *бол* в форме будущего времени в сочетании с причастием на *-х* (*-мн*) выражает действие, «которое неминуемо совершится и по поводу которого выражается опасение субъекта» [Пюрбеев 2010: 99]. Например: *Киштэг гемшэхмн болхви?* ‘Неужели обвинят Кишту?’ [НККЯ. Балакан А. Элст деер мандлсн одн].

Формы с перспективным значением в монгольских языках могут выступать в прошедшем времени. «Перспектив в прошедшем времени означает, что после некоторой точки отсчета в прошлом с большой вероятностью должна была осуществиться определенная ситуация (уже имелись «предпосылки» для этого)» [Майсак 2002: 70].

Например: калм. *Тегэд Андрей Иванович Викториг нааран илгэсн болх*. ‘Наверное, поэтому Андрей Иванович и послал сюда Виктора’ [НККЯ. Балакан А. Залу зөрг].

В бурятском языке такая конструкция выражает модальное значение «выходит, получается»: *Гол зорилгоёо дүүргэһэн болохобди гэхээз ханаа гут...* — *гэжэ Рагузинский Лангые таһа дүүрэбэ*. ‘Вы хотите сказать, что мы справились со своей основной целью... — резко оборвал Рагузинский Ланга’ [БНК. Б. Санжин, Б. Дандарон. Заянай зам].

1.2. Модальные значения

П. П. Дамбуева отмечает высокую степень грамматикализации данного глагола. Кроме реальной модальности, данная связка может выражать разнообразные модальные значения: предположение, долженствование, вынужденность, намерение, возможность, запрет, согласие, разрешение [Дамбуева 2000: 153–154]. Например: монг. *Сүрэн ч бас жаахан буруутай байж болох юм*. ‘И Сурен тоже немного виноват’ [БАМРС, 2 2001: 152]; *Таны саналыг бүрэн бодитой гэж үзэж болно*. ‘Ваше предложение можно рассматривать как вполне реальное’ [БАМРС, 3 2001: 399]; бур. *Морин бүдэржэ болохо, — гэжэ айһан эхэнь хубуугээ хоригложо, үгээз дуулгажа ядахадаа, хасарыень хоёр-гурба альгадаба*. ‘Лошадь может оступиться — запретила испуганная мать сыну, и не в силах заставить его послушаться, несколько раз ударила ладонью по щеке’ [БНК. Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо]; ойр. *Би орааһиин цаг арванда машинда һарха болнаа*. ‘Я должен ехать на машине вечером в десять часов’ [СЯОС 2001: 419]; калм. *Тенд геснь өлсэд йовх болжана*. ‘Они могут быть голодны’ [НККЯ. Жимбин А. Шиндэ]; *Өөлжэдг болх, оч мөндинь сурх кергтэ*. ‘Наверное, обижаётся, надо пойти и проведать его’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл]; *Дэкэд нег жил сурад, төгсгәһэд йовсн болхла сэн болх билэ*. ‘Было бы хорошо, если бы проучился еще год и закончил’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

1.3. Инхоативное значение

Инхоативное значение указывает на наступление нового состояния, т. е. «итоговое состояние некоторого процесса» [Майсак 2002: 104]. В старописьменных памятниках

и современных монгольских языках встречаются конструкции именных и глагольных сказуемых с вспомогательным глаголом *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* ‘становиться, делаться кем-чем-л.; каким-л.; быть’ в форме прошедшего и настоящего времени, которые могут выражать состояние предмета со значением становления или перехода в какое-либо состояние (глаголы с суффиксами: монг. -в, -жээ, -лоо; бур. -бо, -оо, -гоо; ойр. -ва, -лаа, -жси; калм. -в, -жс, -ла) и настоящего (-но, -наа, -на) времени).

Настоящее время. Например: монг. *Хаврын сүүлээр зун болно*. ‘За весной следует лето’ [БАМРС, 3 2001: 148]; бур. *Энэ намбаанда Жалма орон дээрэхээ харайн бодожо, натаришанан үнэ зүхээ заһаа болоно*. ‘В этот момент Жалма вскакивает с кровати и поправляет растрепавшиеся волосы’ [БНК. Д. Батожабай. Төөригдэхэн хуби за-яан]; ойр. *Нээмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа*. ‘Когда наступает август, то в горах становится прохладно’ [СЯОС 2001: 295]; калм. *Цаһан цевр зүрктә күн тиим бермсг болна*. ‘Добросердечные люди становятся такими стеснительными’ [НККЯ. Эр-нжөнә К. Һалан хадһл].

Прошедшее время. Например: средне-монг. «*Ede qurban tusas-i čino setkil dotora mino atuiqai!*» *keen jarliq bolba*. ‘«Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!», так он повелел’ [СС 1941: 239, § 145]; класс. *Yeke Barula kement nereyidbe Barulaskū otuγ-tan bolba*. ‘Так как Йехе Барилдай любил поесть, его род стал называться Барлас’ [АТ 1992: 6]; монг. *Би орос хэд дээр бичигдсэн хүүхдийн ном, сонин уншдаг болов*. ‘Я стал читать детские книги, газеты, вышедшие на русском языке’ [Тодаева 1951: 133]; бур. *Һүни байһан тэнгэри үдэр боложо, үдэр байһан тэнгэри һүни болобо*. ‘Было ночное небо, стало дневным, было дневное небо, стало ночным’ [СНЕ МП 2018: 55]; ойр. *Би Беежинде одад хойор жил боллаа*. ‘С момента моего приезда в Пекин прошло два года’ [СЯОС 2001: 71]; калм. *Эгч-дү һурвнас һанцхн Антонина уул бәрдг эрдмтә болв*. ‘Из трех сестер одна только Антонина получила профессию швеи’ [НККЯ. Бадмин А. Усна экн — булг]; *Хөөннь усар салһиго иньгүд болж*. ‘После того они стали друзьями — «не разлей вода»’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

1.4. Прошедшее время

Известно, что в монгольских языках формы прошедшего времени внутри своего ряда противопоставляются по аспектуальным и модальным признакам. Рассматриваемый глагол употребляется в роли вспомогательного глагола как в именных, так и в глагольных конструкциях и обозначает действие, совершенное в прошлом.

Значение недавно совершенного действия (незадолго до момента речи или в момент речи) может передаваться конструкциями с глаголом *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* с временным показателем (-в / -бо / -ва / -в). Здесь показана близкая временная дистанция. Следует отметить, что рассматриваемый глагол может сохранять значение инхоатива. Например: монг. *Тэр хаалга гэж толгой хөдөлгөн заасан болов*. ‘Выход там, сказав, он показал на дверь’ [МНК]; бур. *Пишаганаса альга ташалган болобо*. ‘Раздались громкие хлопки в ладоши’ [БРС, 2 2010: 92]; ойр. *Элээ цаһаан тоосон теңгерте хадагдагсан болва*. ‘Поднялась в небо белая пыль, словно коршун’ [СЯОС 2001: 377]; калм. *Маи сән академическ көгжмин концерт болв*. ‘Академический концерт был очень хороший’ [КНК. Хальмг үнн].

Значение недавнего прошлого усиливается при использовании обстоятельственных слов (*недавно, сегодня, только что, сейчас* и т. д.). Например: калм. *Одахн Элстд Хальмг Таңһчин тосхлтын болн архитектури министрствд журналистһрлә харһлт болв*. ‘Недавно в Элисте в министерстве строительства и архитектуры состоялась встреча с журналистами’ [КНК. Хальмг үнн].

Значение предшествующего прошедшего действия характеризуется отдаленностью от момента речи и выражается глаголом с показателями -лоо / -лаа / -ла / -лэ. Например: монг. *Энэ жил өвөл эрт боллоо*. ‘В этом году зима наступила рано’ [БАМРС, 3 2001: 3]; ойр. *Би Беежинде одаад хойор жил боллаа*. ‘С момента моего приезда в Пекин прошло два года’ [СЯОС 2001: 71]; *Эн йовдл 1945-ч жилд Венгрин һазрт болла*. ‘Этот случай произошел в 1945 году в Венгрии’ [КНК. Илүмжин Н. Гвардейцнр].

В сочетании с причастием настоящего времени рассматриваемый глагол обозначает многократность действия. Например: монг. *Заримдаа бүр хол явахдаа намайг*

дагуулж явдаг боллоо. 'Иногда в дальнюю дорогу он брал меня с собой' [МНК]; бур. *Хүүгэн юумэ ойлгодог болобо*. 'Ребёнок начал понимать (сознавать окружающее)'; ойр. *Түүнээс эхлээд манаа күмен тэмке татхаан цеерлэжи неге зардал мөңгө эрвелегддэг боллаа*. 'С тех пор мой муж бросил курить, и стали экономить деньги за счёт сокращения расходов на табак' [СЯОС 2001: 153]; калм. «*Мадн көгшржэнэвидн, гер ав, гинэд эдн көвүндэн келдг болв*. '«Мы старше, женись», говорили они сыну' [КНК. Хальмг үнн]; калм. *Журналд, газетд шүлгим барлдг болла*. 'В журнале, газетах стали публиковать мои стихи' [КНК. Хальмг үнн].

Длительность действия в прошлом отмечается наличием в конструкциях с глаголом *болох / болохо / болха / болх* обстоятельств со значением длительности. Например: монг. *Өдөржин чулуу зөөгөөд хоёр гар даагдахгүй боллоо*. 'Целый день таскал камни — руки натрудились' [БАМРС, 2 2001: 2]; бур. *Театр эмхидхэгдэхээр дүрбэдэхи жэлээ болобо*. 'Исполняется четвертый год (уже), как организовался театр' [БРС, 1 2010: 363]; ойр. *Он сара өңгөржи, олон жилийн эргээн болва*. 'Миновали годы и месяцы, прошло много годовых циклов' [СЯОС 2001: 256]; калм. *Өдрин дуусн болсн эн селвлцэн нанд туста болв*. 'Совещание, продолжавшееся целый день, стало мне полезным' [КНК. Хальмг үнн].

Употребляясь в сочетании с причастием прошедшего времени, полусвязка *бол* в калмыцком языке в форме настоящего времени может обозначать действие, которое, возможно, имело место в прошлом, но полной уверенности в этом нет. Например: *Теднлэ нег үүл хархж одсн болжана*. 'Кажется, с ними что-то случилось' [НККЯ: Балакан А. Залу зөрг].

1.5. Модальный показатель

В монгольских языках глагол *болох / болохо / болха / болх* может превращаться в модальное слово *бололтой / бололтой / бололта / болта* со значением 'возможно, вероятно, видимо, кажется; наверное'. Модальное слово употребляется в сочетании с именными и глагольными частями речи. Например: монг. *Өнөөдөр бороо орох нь бололтой*. 'Вероятно, сегодня будет дождь' [БАМРС, 2 2001: 497]; бур. *Хорото дайсан досоохи хорондоо дишдээжэ, бээз барижа*

шадангүй, эжэлүүдгүй бээз мэдүүлжэрхихэн бололтой. 'Коварный враг не справился со своим коварством, не смог сдержаться и, возможно, случайно себя обнаружил' [БНК. Б. Мунгонов. Хара халхин]; ойр. *Зуслангийн малчин аэлмүүд шинкен босжи бээхээ бололтаа*. 'Скотоводы, живущие в летнике, похоже, только что встают с постели' [СЯОС 2001: 224]; калм. *Энд танахна ээмгүдин ахлачир ирчкн болта*. 'Сюда, наверное, приехали руководители вашего аймака' [НККЯ. Инжин Л. Ольдан күүкн]; *Өнчн-өв бичкдүд болта эдн*, — гиж Амр-Санан келв. 'Они, видимо, дети-сироты, — сказал Амур-Санан' [НККЯ. Нармин М. Хар келн тоһрун].

1.6. Служебные слова

Самый распространенный случай процесса грамматикализации в монгольских языках — это переход в служебное слово. В результате образования новых отглагольных слов в языках происходит постепенное обособление в различных глагольных сочетаниях, а также наблюдается адвербиализация некоторых причастных и деепричастных форм.

Наиболее часто грамматикализации подвергаются нефинитные формы глагола, которые встречаются в языках, чаще всего, в роли послелогов и союзов. Данные формы глагола имеют больше возможностей перехода в служебное слово. Например, «из глагольных форм более подвержены переходу в послелог деепричастия, чему способствует отсутствие у них форм словоизменения, отсутствие морфологически выраженного значения времени и т. д.» [Шагдаров 2013: 178].

В группу отглагольных послелогов включены слова, образованные от деепричастий, причастий и глагольных основ.

«Деепричастные формы глагола, как известно, являются нефинитными и характеризуются меньшей степенью полноты и яркости глагольных признаков (семантических, морфологических, синтаксических): 1) общее значение действия в деепричастиях выражено слабее, чем в остальных формах глагола: они обозначают добавочное второстепенное действие при основном действии, выраженном глаголом; 2) категория времени в деепричастиях отсутствует, время действия в них определяется такси-

сом, характеризующим отношение действий между собой; 3) они не имеют форм словоизменения; 4) в предложении деепричастие выполняет преимущественно обстоятельственную функцию. Все это создает предпосылки для перехода деепричастий в послелого. Многие из них сохранили параллельно лексические значения полнзначных слов» [Лиджиева 2014: 56].

1.6.1. Послелог

В рассматриваемых языках данный глагол часто встречается в качестве послелога.

Послелог *болгон* / *болгон* / *болһон* / *болһн* ‘каждый’ образовался в результате грамматикализации слитного деепричастия. В данном случае лексически полнзначное слово полностью утратило свою смысловую самостоятельность и стало употребляться в служебной функции: монг. *Өдөр болгон олны нүүрэн дээр хээгээ бараад хэрэлдэж байдаг болов*. ‘Ссоры происходили ежедневно, открыто на людях’ [БАМРС, 2 2001: 470]; ойр. *Суман болһон бийесиинни тамһатаа*. ‘У каждого сомона — своя печать’ [СЯОС 2001: 312]; калм. *Жил болһн Улан Цергт гиж сэн-сэн мөрд шүүж йовулнавидн*. ‘Каждый год мы отправляем лучших лошадей для Красной армии’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Халан хадһл].

Иногда данный послелог выступает в форме некоторых косвенных падежей. Например: монг. *жим болгоныг мэддэг анчин* ‘охотник, знакомый с каждой тропой’ [БАМРС, 2 2001: 173]; ойр. *Улас болһона аса кедүү эмтен иревээ*. ‘Сколько людей приехало от каждой страны’ [СЯОС 2001: 352]; калм. *Хаалһин хажуд, сала болһнд худг харһна*. ‘Вдоль дороги, в каждой балке встречается колодец’ [НККЯ. Балакан А. Буурл теегт]; *Харһлһн болһндан ю-бис куундэд, эн үзсн-соңссан нанд келж өгдг билэ*. ‘При каждой встрече, разговаривая, она рассказывала все новости’ [НККЯ. Балакан А. Буурл теегт].

В бурятском языке слово *болгон* чаще всего употребляется в качестве деепричастия. Редко встречаются примеры употребления грамматикализированных послелогов. В Корпусе бурятского языка наблюдается единичный случай употребления слова *болгон* в качестве самостоятельного послелога: *Сүрхэйл хоол гээчэ дээ, — гэжэ Цэрэнцуу өөрынгөө һанамжа хэлээд абаба*. — *Үнээ-*

тэй айл болгон аарса даража чадахал дээ. ‘Это знатная еда, — высказала свое мнение Цэрэнцуу. — Каждая семья, имеющая корову, может производить аарсу’ [БНК. Б. Мунгонов. Баян зүрхэн — II]. Возможно, в данном примере приведена диалектная речь или речь обурятившейся монголки.

Болгон также может выступать в роли компонента сложного послелога *харюу болгон* ‘в ответ на’. Например: *Иимэ «анхаралдань» харюу болгон, бүхы Карийска каторжна түрмынхид үлэсхэлэн үхэл соносохон ба дүрбэн эхэнэр, арбан дүрбэн эрэ каторжануудай өөһэд хоорондоо хэлсэжэ, хоро ууһан тухайнь, тэдэнэй олонхидойнь элдэб шалтагаанаар үхэхэн тухайнь тэрэ үбгэнһөө Галсан мүнөө дуулаба*. ‘Сейчас он услышал от старика Галсана о том, что в ответ на такое «внимание» каторжные заключенные всех тюрем Карийска объявили о голодовке, а четыре женщины и четырнадцать мужчин из числа каторжан вступили в сговор, приняли яд, и многие из них скончались по разным причинам’ [БНК. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан].

В качестве послелога в монгольских языках используется форма предельного деепричастия *болтол* / *болотор* / *болтал* / *болтл* ‘до, до тех пор’. Семантика деепричастия ‘предел действия’ повлияла на значение послелога. «Управляя основной имени, он указывает на предел действия во времени» [Монраев 1983: 279]. Данный послелог встречается в старописьменных памятниках и современных монгольских языках. Например: среднемонг. *Sueni duli boltala bokleksen čisun-i amaар duuren jalqiat-asqaat...* ‘До поздней ночи он отсасывал и выплевывал запекавшуюся кровь’ [СС 1941: 239, § 145]; монг. *ниднин зунаас эхлэн намар болтол* ‘начиная с лета прошлого года и до нынешней осени’ [БАМРС, 1 2001: 261]; бур. *Ехэ түймэртэ гэр байраяа алдаһан олонхи хүнүүд дахяад нэргэхэгүйгөөр ядаржа, тэдэнэй гэрнүүдэй байһан газар мүнөө болотор ханха зайдан ха юм*. ‘Люди, потерявшие свое жилье в большом пожаре, так и не смогли восстановиться, и на месте их домов до сих пор стоят пустыри’ [БНК. Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нютарһаа холо]; ойр. *Хавар болтал эне ажылаан дуусха йосотаа*. ‘До весны должны закончить эту работу’ [СЯОС 2001: 374]; калм. *Эмтн киитн болтл, урһцан хураж авхар адһна*. ‘Люди

спешат собрать урожай до холодов [КНК. Хальмг үнн].

Послелог *болоод* / *болоод* / *болаад* / *болад* ‘спустя, через’ соотносится с формой разделительного деепричастия от основы *бол-* и выражает временные отношения. Например: монг. *таван минут болоод* ‘через пять минут’ [БАМРС, 2 2001: 333]; бур. *Хэды болоод, Шоён дэгэлдээ орёолдожо, түүдэгтээ нэмэхэ гэжэ обоолһон мүшэр дээрэ толгойгоо табяад хэбтэшэбэ*. ‘Через некоторое время Шоён завернулся в дэгэл и улегся, положив голову на кучу веток, собранных для костра’ [БНК. А. Ангараев. Уер]; ойр. *Нучин нурван жыл болаад уулзаха*. ‘Встретиться спустя тридцать три года’ [СЯОС 2001: 109]; *Дөрвн сар болад, Шурк олдв*. ‘Спустя четыре месяца Шурка нашлась’ [НККЯ. Балакан А. Буурл теэгт].

Группа послелогов, образованных от причастных форм, в своём служебном употреблении частично сохранили семантику знаменательных слов. К примеру, послелог *болсан* / *болсн* ‘подобный, похожий’ появился в результате грамматикализации причастия прошедшего времени. При этом образованный послелог, в отличие от основной семантики слова, употребляется в несколько ином значении. Данное слово может самостоятельно употребляться как в роли причастия, так и в роли послелога. Управляя именительным падежом, передает значение сравнения. Он распространен в ойратском и калмыцком языках: ойр. *Туулаа болсан уруулни шовалзаад бээдег*. ‘Губы выпячиваются, словно у зайца’ [СЯОС 2001: 459]; калм. *Элст өрин маңһарт альхн деер тэвсн альмн мет дүңгэж үзгдв*. ‘При утреннем мираже Элиста, подобно яблоку на ладони, величаво виднеется’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

1.6.2. Союзы

В системе служебных слов особо выделяются союзы, которые выражают разные виды смысловых отношений и указывают синтаксические связи не только между словами, словосочетаниями, но и частями сложных предложений. «Однако, указывая на наличие связи, союз одновременно выполняет и квалифицирующую функцию: обозначает содержательные отношения между связываемыми единицами» [ЛЭС 1990: 484].

«Союзы следует рассматривать как класс служебных лексем, в значениях которых отражены разнообразные связи элементов объективной действительности. В составе сообщаемой в актах коммуникации информации, передаваемые союзами, предстают как отношения между предметами, признаками, обстоятельствами, действиями, событиями разной меры сложности» [Гузев 1987: 48].

Союзы, образованные от рассматриваемого нами глагола, восходят к форме основного глагола и деепричастия. Такие союзы, как *болв* ‘но, однако’, *болон* / *болон* / *болон* / *болн* ‘и’, *боловч* / *болобошье* / *болва чиге* / *болвчн* (= *болв чигн*) ‘хотя, несмотря на’ широко употребляются в монгольских языках.

Союз *болон* / *болон* / *болон* / *болн* ‘и’ — это форма слитного деепричастия, образованная от глагола *бол-*. Употребляется для связи однородных членов в простом предложении. Например: монг. *стратегийн болон сансрын зэвсэглэлийн аюул* ‘опасность стратегических и космических вооружений’ [БАМРС, 3 2001: 91]; бур. *Газарта байһан гааһан болон хамарай тамхинай һабые шара лаагтай ханза уруу хэжэрхибэ*. ‘Положил в сундук желтого лака трубку, лежавшую на земле, и табакерку для нюхательного табака’ [БНК. Д. Батожабай Төөригдэһэн хуби заяан]; ойр. *Зөв болон бурууги йилһежси чадал угаа алаңтарэжси бээвээ*. ‘Засомневался, не сумел различить правду и ложь’ [СЯОС 2001: 70]; калм. *1918 жилин май сард немшир Ростовиг болн Батыйскиг эзлв*. ‘В 1918 году, в мае месяце, немцы завоевали Ростов и Батайск’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

В монгольском, бурятском и ойратском языках в данном значении встречается союз *болоод* / *болаад* ‘и’. Он распространен и в старописьменных памятниках. Например, Г. Ц. Пюрбеев отмечает его наличие в монгольском памятнике XVIII в. «Халха Джирум»: «Союз *boluγad* ‘и’ также связывает однородные члены предложения. Он представляет собой форму разделительного деепричастия от глагола *boluγu* ‘становиться’: *züngen boluγad qagan bey-e-beg qamiγ-a ögede bolqula* (I, 7-132) ‘Куда бы ни следовали ханша джункен и хаган...’» [Пюрбеев 2012: 170]. Для современного калмыцкого языка данное значение послелога не характерно. Например: монг. *өргөн болоод өндөөр*

‘широкий и высокий’ [БАМРС, 1 2001: 259]; бур. *Эхин болоод дунда хургуулинуудай шалтагта ойртобо*. ‘Приблизились экзамены в начальных и средних школах’ [БРС, 1 2010: 137]; ойр. *Өвгөн болаад эмгэн хойор бээжчи*. ‘Жили старик и старуха’ [СЯОС 2001: 70].

Слово *болв* в калмыцком языке употребляется как в качестве полнозначного, так и служебного слова. Союз *болв* ‘но, однако’ встречается в противопоставительных предложениях. Также в калмыцком языке очень часто функционируют составные союзы — *болв чигн* ‘хотя, несмотря на’, *болв зуг* ‘но, однако’ и т. д. Например: — *Норильск мини харсн хазр. Кедү киитн, догшин болв чигн, би мартх зөв угав*. ‘Норильск — моя родина. Несмотря на то, что [там] сильно холодно, я не должен его забывать [НККЯ. Бадмин А. Усна экн — булг]; — *Му биш. Болв чи өмннь «тавнд» сурдг билч?* ‘Неплохо. Но раньше ты же учился на «отлично»?’ [НККЯ. Нармин М. Боова].

В других монгольских языках (монгольском, бурятском и ойратском) употребляются аналогичные союзы *боловч* / *болобошье* / *болва чиге* со значением ‘хотя, несмотря на’. Например: монг. *Нумын арал*

хэдий хатуу хүчтэй боловч, хөвчгүй үл болохуй. ‘Лук, хоть он тугой и сильный, но без тетивы не может стрелять’ [БАМРС, 1 2001: 125]; ойр. *Усани экени балчиг болва чиге адаг күртелээн тунанаа*. посл. ‘Хотя вода у истока грязна, но пока она доходит до устья, муть в ней оседает’ [СЯОС 2001: 55]. Специфической особенностью бурятского языка является параллельное употребление несооставного союза *болобошье* и составного союза *болобошье хаа* с вышеуказанным значением. Например: бур. *Хүлнүүднай нэгэ бага хүнгэн болобошье хаа, гэдэхэмнай ехээр үлдэжэ эхилбэ*. ‘Хоть и стали наши ноги немного быстрее, но мы начали ощущать сильное чувство голода’ [БНК. Ц. Шагжин. Эжымни үнэн]; *Энэ үедэ Цэрэнпилэй зүрхэн бага түгшүүрэн татаһан болобошье, убайгүгөөр тэрэ эхэнэр тээшэ хараад нууна*. ‘Хоть и встрепелось немного сердце Цэрэнпила, но он сидит и бесстыже смотрит в сторону той женщины’ [БНК. Х. Намсараев. Үүрэй толон].

Выводы

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Пути грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* в монгольских языках

[Table 1. Grammaticalization trends of the verb *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* in Mongolic languages]

№	Пути грамматикализации	Монгольский язык	Бурятский язык	Ойратский язык	Калмыцкий язык
1.	Будущее время (обязательное совершение действия в будущем — причинно-следственные, условные конструкции, модальные индикаторы)	+	+	+	+
2.	Модальные значения (предположение, долженствование, вынужденность, намерение, возможность, запрет, согласие, разрешение)	+	+	+	+
3.	Инхоативное значение (наступление нового состояния)	+	+	+	+
4.	Прошедшее время (недавно совершенное действие)	+	+	+	+
5.	Прошедшее время (предшествующее прошлое действие)	+	+	+	+
6.	Многочисленность действия	+	+	+	+

7.	Длительность действия в прошлом	+	+	+	+
8.	Модальное слово <i>бололтой</i> / <i>бололтой</i> / <i>бололтаа</i> / <i>боллта</i>	+	+	+	+
9.	Послелог <i>болгон</i> / <i>болгон</i> / <i>болһон</i> / <i>болһн</i>	+	в качестве деепричастия	+	+
10.	Послелог <i>болтол</i> / <i>болотор</i> / <i>болтал</i> / <i>болтл</i>	+	+	+	+
11.	Послелог <i>болоод</i> / <i>болоод</i> / <i>болаад</i> / <i>болад</i>	+	+	+	+
12.	Послелог <i>болсан</i> / <i>болсн</i>	—	—	+	+
13.	Союз <i>болон</i> / <i>болон</i> / <i>болон</i> / <i>болн</i>	+	+	+	+
14.	Союз <i>болоод</i> / <i>болаад</i>	+	+	+	—
15.	Союзы <i>болв чигн</i> / <i>боловч</i> / <i>болобошье</i> / <i>болва чиге</i>	+	+	+	+

Из результатов исследования видно, что в процессе грамматикализации глагол *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* ‘становиться, делаться кем (чем)-либо; каким-либо; быть’ претерпевает различные изменения. Как глагол полусвязка он выступает в роли вспомогательного компонента в составных именных и глагольных сказуемых. Были проанализированы грамматические категории времени, модальности, а также различные классы слов. Следует отметить, что пути грамматикализации рассматриваемого глагола характерны всем монгольским языкам. Различие проявляется в степени употребления того или иного грамматического значения, а также наличия или отсутствия определенных служебных слов (послелогов и союзов). Будущее время определяет значения категоричности и некатегоричности совершения действия, в которых реализуются причинно-следственные, условные

конструкции, а также модальные индикаторы. Анализ прошедшего времени данного глагола определяет значения недавнего совершенного, предшествующего прошедшего действия, многократности и длительности действия. Выделены инхоативное и модальные значения рассматриваемого глагола. Деепричастные и причастные формы данного глагола, подвергшись грамматикализации, стали активно и широко употребляться в роли служебных слов, в частности послелогов и союзов. Это указывает на то, что глаголы с более широкой семантикой, в которых ослаблено значение конкретного действия или состояния, могут выражать гораздо более сложные и абстрактные грамматических понятия. Однако в некоторых монгольских языках наблюдается параллельное употребление данного слова и в роли деепричастия или причастия.

Сокращения

бур. — бурятский язык; калм. — калмыцкий язык; класс. — классический монгольский язык; монг. — монгольский язык; ойр. — ойратский язык; среднемонг. — среднемонгольский язык

Источники

- АТ 1992 — Hans. Petet Vietze, Gendeng Lubsang. Altan Tobči. Text und Index. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p.
 БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 1 А–Г. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.

- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 2 Д–О. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.

- БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 3 Ё–Ф. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.

- БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 4 Х–Я. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.

- БНК — Бурятский национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web->

- corpora.net/BuryatCorpus (дата обращения: 10.10.2020).
- БРС, 1 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- БРС, 2 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. 2 О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 708 с.
- КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 10.10.2020).
- НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorporu.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
- МНК — Монгольский национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus> (дата обращения: 10.10.2020).
- ПМА — Полевые материалы автора
- СНЕ МП 2018 — Сказки народов Евразии. «Мачеха и падчерица» / сост. Е. Э. Хабунова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. 200 с.
- СС 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuča tobčiyan*. Юань чао би ши. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Sources

- Authors' Field Data.
- Buryat National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus> (accessed: October 10, 2020). (In Bur.)
- Kalmyk National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus>. (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- Mongolian National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus>. (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- National Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://kalmcorporu.ru> (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- Altan Tobči. H.-P. Vietze, G. Lubsang (text, index). Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p. (In Mong.)
- Khabunova E. E. (comp.) Folktales of Eurasia: The Stepmother and the Stepdaughter. Elista: Dzhangar, 2018. 200 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled 'Mongγol-un niγuča tobčiyan. Yuáncháo Mishǐ'. Moscow, Lenin-grad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 493 p. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Гузев 1987 — *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (На материале староанатолийск.-тюрк. яз.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 144 с.
- Дамбуева 2000 — *Дамбуева П. П.* Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бур. госуниверситета, 2000. 252 с.
- Дораяева 1983 — *Дораяева Р. П.* Наклонение //

- Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 205–234.
- Лиджиева 2014 — *Лиджиева Л. А.* Отражение процесса грамматикализации в образовании послелогов в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (3). С. 53–58.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Майсак 2002 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 287 с.
- Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
- Монраев 1983 — *Монраев М. У.* Послелогии // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 276–283.
- Пюрбеев 2010 — *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Пюрбеев 2012 — *Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 267 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том I. А–Е. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву Б. М.: Наука, 1978. 352 с.
- Тодаева 1951 — *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 196 с.
- Харчевникова 1995 — *Харчевникова Р. П.* Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Элиста: Изд-во Калм. госуниверситета, 1995. 94 с.
- Цыдыпов 1972 — *Цыдыпов Ц.-Ж. Ц.* Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 299 с.
- Шагдаров 2013 — *Шагдаров Л. Д.* Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния и образительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

References

- Dambueva P. P. Category of Modality in Modern Buryat. Ulan-Ude: Buryat State University, 2000. 252 p. (In Russ.)
- Doraeva R. P. Grammatical mood. In: Kalmyk Grammar. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. Pp. 205–234. (In Russ.)
- Guzev V. G. Essays on the Theory of Turkic Inflection: Name (A Case Study of Old Anatolian Turkish). Leningrad: Leningrad State University, 1987. 144 p. (In Russ.)
- Kharchevnikova R. P. System of Grammatical Mood in Modern Kalmyk. Elista: Kalmyk State University, 1995. 94 p. (In Russ.)
- Lidzhieva L. A. Reflection of the process of grammaticalization in forming of postpositions in Mongolian languages. *Buryat State University Bulletin*. 2014. No. 10 (3). Pp. 53–58. (In Russ.)
- Maysak T. A. Constructs with Verbs of Movement and Position: Typology of Grammaticalization. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2002. 287 p. (In Russ.)
- Maysak T. A. Constructs with Verbs of Movement and Position: Typology of Grammaticalization. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2005. 480 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Postpositions. In: Kalmyk Grammar. Phonetics and Morphology. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. Pp. 276–283. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Kalmyk Grammar: Syntax. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 299 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Khalkha Jirum: A 17th-Century Monument of Mongolian Law. Vocabulary. Grammar. Transliteration. Moscow, Kaluga: Eidos, 2012. 270 p. (In Russ. and Mong.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages: Verb. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 267 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. I: A — E. G. Sanzheev, L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Russ.)

- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow: Nauka, 1978. 352 p. (In Turk. and Russ.)
- Shagdarov L. D. The Buryat Language: Issues of a New Academic Grammar (Noun, Adjective, Adverb, Postpositions, Modal Lexemes, Words of the Category of State, and Descriptive Ones). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2013. 192 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Grammar of Modern Mongolian: Phonetics and Morphology. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. 196 p. (In Russ.)
- Tsydypov Ts.-Zh. Ts. Buryat Analytical Constructs. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1972. 299 p. (In Russ.)
- Yartseva V. N. (ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 685 p. (In Russ.)

